УДК 94 (47).082+.083

Фидченко Ольга Владимировна

**кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии
Московского педагогического
государственного университета**

ФОРМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ПОЛЬЗУ УЛУЧШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX В.

Аннотация:
В статье рассматриваются и анализируются конкретные виды материальной помощи студенчеству дореволюционной России, выражавшиеся в форме благотворительности. Автор акцентирует внимание на подобной помощи со стороны преподавателей, меценатов, помощи землячеств и собственных усилий студентов по улучшению своего материального положения.

Ключевые слова:
студенты, преподаватели, меценаты, стипендии, благотворительные спектакли и концерты, Императорский Московский университет, жертвователи, материальная помощь.

Fidchenko Olga Vladimirovna

**PhD in History,
Assistant Professor,
Cultural Science Department,
Moscow State Pedagogical University**

FORMS OF CHARITY IN FAVOR OF IMPROVING THE MATERIAL CONDITIONS OF THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY STUDENTS AT THE END OF THE 19TH CENTURY

Summary:
The article discusses and analyzes the specific types of financial aid to the students in the pre-revolutionary Russia, expressed in the form of charity. The author focuses on the charity of teachers, patrons, local communities, and own efforts of students to improve their financial condition.

Keywords:
students, teachers, sponsors, scholarships, charity performances and concerts, the Imperial University of Moscow, donator, financial aid.

В материальном отношении студенчество всех стран всегда жило достаточно тяжело. Как один из наиболее незащищенных в социальном смысле слоев населения, учащаяся молодежь России нуждалась в поддержке. Одним из способов разрешения материальных затруднений студентов в конце XIX в. была благотворительность. Мы хотели бы рассмотреть формы такой помощи со стороны четырех субъектов: преподавателей, меценатов, землячеств, а также самих студентов. Полезным здесь выступает опыт Императорского Московского университета (ныне – МГУ им. М.В. Ломоносова), накопленный в 90-е гг. XIX в.

Во-первых, помощь студентам, а также институтам сферы образования, оказывали преподаватели. Так, 6 октября 1893 г. на имя исполняющего обязанности (как тогда писали, деятельность) ректора Императорского Московского университета от попечителя Московского учебного округа графа П. Капниста поступило сообщение о том, что ординарный профессор этого учебного заведения, преподаватель медицинского факультета, действительный статский советник А. Макеев в июне обратился к нему с заявлением, в котором ходатайствовал о принятии от него пожертвования в размере 100 000 руб. на сооружение среди клинического городка на Девичьем поле церкви и жилого дома для причта [1]. Причем попечитель округа признал данные пожертвование в высшей степени полезными и как нельзя наиболее соответствующими нуждам клиник, поскольку, как он писал: «Потребность в церкви в клиниках ощущается давно, и необходимость иметь при столь обширном учреждении собственного священника, могущего во всякое время удовлетворить духовные потребности многочисленных больных так же давно сознается» [2]. Понятно, что если потребность в этом пожертвовании ощущалась университетскими клиниками, то, в конечном счете, это служило удовлетворению интересов студентов университета. Тем более что старая университетская церковь требовала ремонта.

Постройка церкви заняла значительное время. 18 августа 1897 г. Храм во имя Святого Архистратига Михаила (8/21 ноября) был передан Московскому университету [3]. Примечательно также, что в 1899 г. по инициативе его священника П.Н. Померанцева было подано прошение на имя ректора университета с просьбой о ходатайстве перед правлением университета по поводу сооружения при Клиническом храме надписи о том, кем и когда он был сооружен [4]. Священник подчеркнул, что его на эту мысль навели вопросы богомольцев, рассказавших про многие храмы, где подобные надписи уже существовали. Подобная подпись была сделана с внутренней стороны

храма близ входных дверей в редакции правления университета: «Храм сей во имя Святого Архистратига Михаила сооружен на средства заслуженного Ординарного Профессора ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета Александра Матвеевича Макеева, и освящен 2 ноября 1897 г.» [5]. Исходя из сказанного, мы наглядно видим, как наши предки ценили участие в благотворительности и увековечивали память о случаях такой деятельности со стороны своих современников.

Участие в материальных проблемах студентов принимали также и меценаты. Так, в расписании о доходах и расходах специальных средств по Императорскому Московскому университету в 1894 г. всего значилось 203 пожертвования общей суммой в 2 383 974 руб. Они были сделаны в ценных бумагах, и только проценты с них в 1891 г. составили 118 627 руб. [6]. В 1894 г. стипендии и пособия студентам были выплачены общей суммой в 44 740 руб. [7]. Причем помимо жертвователей, указавших свои личные данные, встречались и те, кто жертвовали с пожеланием остаться неизвестными [8]. Такие случаи свидетельствует о том, что в XIX в. также как и сегодня, встречались личности, ценившие первую и пятую заповеди блаженства (о смирении и милости).

Интересным представляется изучение конкретных размеров стипендий студентов университета (например, за 1899 г.), особенно в соотношении с платой за слушание лекций (она составляла тогда 50 руб. в год).

Стипендии нередко учреждались за счет капиталов частных лиц. Так, стипендия им. М.М. Кувшинова студенту 2 курса медицинского факультета Н.С. Перемивкину составляла 157 руб. 92 коп. в год; стипендия им. М. Городецкого студенту 1 курса юридического факультета Б. Подгорному – 300 руб. в год; стипендия им. Милюковой студенту 2 курса медицинского факультета В. Рудакову – 223 руб. 20 коп. в год [9]. Стипендия им. Доброхотова студенту медицинского факультета В. Генкину – 232 руб. 58 коп. в год [10]. Три стипендии им. Андрея и Варвары Алексеевых – по 379 руб. 22 коп. в год каждая [11]. Стипендия им. Э.Н. Сумбула студенту 4 курса юридического факультета А.В. Орлову – 228 руб. в год [12]. Стипендия Действительного статского советника Л.С. Полякова студенту 1 курса историко-филологического факультета У. Исакову – 303 руб. 96 коп. в год [13]. Подобное материальное стимулирование назначалось наиболее успешным в учебе студентам.

Итак, как мы видим, разброс сумм стипендий составлял от 316 до 608 % от величины платы за обучение. Их суммы, таким образом, были достаточно значительными и приносили реальную материальную помощь тем студентам, кто их получал в дореволюционный период Отечественной истории.

Интересно, что были факты выплаты стипендий по праву родства. Например, студенту 1 курса юридического факультета Дмитрию Щепкину выплачивалась стипендия имени его деда, профессора П.С. Щепкина, следовавшая ему по данному праву и составлявшая 146 руб. 76 коп. в год [14].

Стипендии также предоставлялись и выплачивались обществами или органами управления на местах. Существовал «Совет общества вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию». Так, четырем стипендиатам данного общества выплачивалось по 20 руб. [15]. Конечно, размер данных стипендий в целом был меньше сумм для меценатов, но все-таки и такая помощь учащимся высших учебных заведений была тоже важна.

Студенты не только ждали и получали стипендии из средств, поступавших в университет из случайных источников, но и обеспечивали себе поддержку своими собственными усилиями. Согласно архивным данным, в 90 гг. XIX в. по разным городам России развернулась целая акция благотворительных концертов в пользу недостаточных студентов, организованных в большинстве случаев, ими же. Началось все 23 октября 1892 г. с московского концерта оркестра и хора студентов Императорского Московского университета в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая. В результате было выручено 2 302 руб. 90 коп., которые были направлены на пособия нуждавшимся учащимся этого университета [16]. Попечитель Московского учебного округа даже разрешил напечатать отчет об этом событии в газетах для всеобщего сведения [17].

После данного события ректору Московского университета со всей России буквально полетели телеграммы с вопросом, нет ли препятствий к устройству на местах подобных концертов. Телеграммы шли, например, из Смоленска от губернатора Сосновского, из Оренбурга от губернатора Маслаковского, из Владимира от полицмейстера Крылова, из Тулы от губернатора Зиновьева, из Тамбова от председателя Тамбовского окружного суда им. Муравьева, из Симферополя от Дирекции Горного Клуба, из Ельца от местного полицмейстера [18]. Причем организацией таких концертов нередко занимались люди, которых бы в советское время назвали энтузиастами: в Смоленске – советник Тулубьев, во Владимире – присяжный поверенный Левицкий, в Туле – учитель гимназии Уветлов. Как представляется, это были инициативные люди, желавшие таким образом помочь российскому студенчеству. Вырученные на концертах деньги направлялись для

поддержки учащихся, приехавших из соответствующих областей России для получения образования. В 1891 г. итоговая сумма таких представлений составила ни много ни мало 9 710 руб. 6 коп. Здесь мы уже видим сформировавшуюся тенденцию к оказанию помощи учащимся и распределявшуюся по критерию землячеств.

Средства, как правило, направлялись инспектору студентов Императорского Московского университета. Но уже в марте 1891 г. из среды учащихся был выбран специальный казначей – студент 2 курса юридического факультета Митрофан Щепкин. Средства распределялись с учетом списков недостаточных студентов, которые формировали и предоставляли главы местных администраций. Учитывалось также мнение правления университета, инспектора учащихся и их личные заявления.

Однако далеко не все благосклонно относились к организации студенческих благотворительных концертов. Например, курский губернатор «ввиду незначительности доходов, ненужных затрат и общей несообразности расходов по концерту и вечеру, вызвавших осуждение в местном обществе» известил ректора университета, что впредь воздержится разрешать подобные увеселения в пользу недостаточных студентов Московского университета» [19]. Возможно, студенческая молодежь представила на тех концертах что-то, противоречившее нормальному для того времени строю общественной жизни. В качестве нашего предположения, это могли быть концерты, которые были организованы, например, в период рождественских каникул, когда простые люди после проведенного Рождественского поста приготовили себя к встрече с Христом родившимся, и такие увеселения могли просто не соответствовать общему духу великого религиозного праздника. Однако стоит отметить, что подобные случаи в целом не были многочисленными.

Деньги, присланные в университет из разных мест и учреждений, которые были выручены в результате проведенных спектаклей и концертов и не имевшие специального назначения для выдачи тому или иному студенту обращались на финансирование обучения тех учащихся, которые подлежали отчислению из университета за невзнос платы [20].

Таким образом, студенты Московского университета в конце XIX в. выступили первопроходцами в области организации благотворительных спектаклей и концертов, а вырученные средства направляли в фонд помощи собратьям по учебе, недостаточно обеспеченным в материальном смысле. Данная инициатива была подхвачена учащимися других областей нашей Родины. В целом российское студенчество также получало существенную помощь, источником которой была благотворительная деятельность, исходившая от преподавателей, меценатов и землячеств.

Ссылки:

1. Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 224. Д. 56. Л. 1.
2. Там же. Л. 1, 1 об.
3. Там же. Л. 57.
4. Там же. Л. 68.
5. Там же. Л. 72.
6. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 224. Д. 42. Л. 13–24.
7. Там же. Л. 37.
8. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 305. Д. 834. Л. 25 об.
9. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Д. 866. Л. 26.
10. Там же. Л. 27.
11. Там же. Л. 29.
12. Там же. Л. 30.
13. Там же. Л. 32.
14. Там же. Л. 57.
15. Там же. Л. 11, 11 об.
16. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 305. Д. 834. Л. 1, 2, 2 об.
17. Там же. Л. 5.
18. Там же. Л. 6–14.
19. Там же. Л. 35, 35 об.
20. Там же. Л. 59.

References:

1. *Central State Historical Archive in Moscow (hereinafter – CIAM),* f. 418, op. 224, d. 56, l. 1.
2. *CIAM,* f. 418, op. 224, d. 56, l. 1, 1 ob.
3. *CIAM,* f. 418, op. 224, d. 56, l. 57.
4. *CIAM,* f. 418, op. 224, d. 56, l. 68.
5. *CIAM,* f. 418, op. 224, d. 56, l. 72.
6. *CIAM,* f. 418, op. 224, d. 42, l. 13-24.
7. *CIAM,* f. 418, op. 224, d. 42, l. 37.
8. *CIAM,* f. 418, op. 305, d. 834, l. 25 ob.
9. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 26.
10. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 27.

11. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 29.
12. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 30.
13. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 32.
14. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 57.
15. *CIAM,* f. 418, op. 313, d. 866, l. 11, 11 ob.
16. *CIAM,* f. 418, op. 305, d. 834, l. 1, 2, 2 ob.
17. *CIAM,* f. 418, op. 305, d. 834, l. 5.
18. *CIAM,* f. 418, op. 305, d. 834, l. 6-14.
19. *CIAM,* f. 418, op. 305, d. 834, l. 35, 35 ob.
20. *CIAM,* f. 418, op. 305, d. 834, l. 59.